

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Михаил Демьяненко

**Статусно-ориентированное
поведение и рост
инфраструктурной власти
в империи Романовых
«долгого XVIII века»**

Препринт М-105/24

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2024

УДК 94(47).06
ББК 63.3(2Рос)
Д32

Демьяненко М. А.

Статусно-ориентированное поведение и рост инфраструктурной власти в империи Романовых «долгого XVIII века» / Михаил Демьяненко : Препринт М-105/24. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. — 40 с. — (Серия препринтов; М-105/24; Центр исследований модернизации).

В работе рассматривается роль статусных механизмов в увеличении степени инфраструктурной власти российской монархии в XVIII веке. Последовательно анализируется опора на статусные стимулы в имперском законодательстве, а также роль двух самых престижных имперских институтов (гвардии и двора) в административном управлении.

Информация об авторе: Демьяненко Михаил Алексеевич — аспирант факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге (mdemyanenko@eu.spb).

*В гражданстве искусного шляхетства за отлучением
в воинство недоставало.*

Татищев В. Н. «Духовная моему сыну»

Введение

Представление о модернизации как о процессе, направляемом в первую очередь институтами и встроенными в эти институты организациями [Норт 2011], возлагает на последние роль актора, «двигателя» модернизационного процесса. Исторический социолог, который решит попробовать опереться на существующую историографию в поисках сведений для проведения институционального анализа российской истории эпохи раннего Нового времени, придет, скорее всего, к разочарованию, не обнаружив в раннемодерной России ни одного института, на который можно было бы возложить роль подобного «двигателя». В России XVI — первой половины XIX века якобы не было ни «настоящей» современной бюрократии [Баберовски 2008; LeDonne 2013], ни «правового сознания» [Уортман 2004]. Трюизмом является упоминание об отсутствии парламента и в принципе юридических ограничений на власть российского монарха до 1905 года. Институт крепостного права ограничивал появление свободной рабочей силы на рынке труда и, следовательно, безусловно тормозил экономическое развитие. Суммируя, следует сказать, что вся российская история указанного периода может быть сведена к мысли русского классика: «Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!» При этом вопрос о том, как же в таких неблагоприятных условиях Россия сумела стать одним из самых опасных хищников в европейских джунглях, зачастую даже не ставится.

Подобную точку зрения, как мне представляется, нельзя редуцировать исключительно до идеализации западноевропейского исторического опыта в сравнении с российским (хотя она, несомненно, имела и имеет место). Весомую роль играет процесс периодизации и имплицитно следующие из него ассоциации, оказывающие влияние на распределение исследовательского внимания. Как прекрасно известно историкам, периодизация далеко не нейтральный инструмент — выделение хронологических рамок само по себе способно подчеркнуть роль одних

факторов и «вывести за скобки» другие. Поэтому стоит начать с поиска альтернативной периодизации, которая может заставить нас по-иному взглянуть на те институты и организации, которые мы не привыкли рассматривать в качестве модернизационных. В настоящей работе в качестве периодизационного инструмента выбрана модель «долгого XVIII века».

Это понятие было введено британским историком Джонатаном Кларком и покрывает период с 1660 до 1832 года [Clark 2000]. Оппонируя концепции Эрика Хобсбаума о «долгом XIX веке» как периоде «двойной революции» (политической во Франции и индустриальной в Великобритании), создавшей современный мир [Хобсбаум 1999], Кларк подчеркивал значительную роль традиционных институтов (монархии, аристократии и церкви) и связанных с ними социальных и культурных представлений, выступивших как стабилизатор в процессе модернизации в Англии. «Примеряя» эту модель периодизации на историю России можно увидеть достаточно большую степень синхронии — 1682 год (воцарение Петра Алексеевича) как начало и 1837 год (по определению Пола Верта, «год тихой революции», отмечающей подлинный приход модерна в Россию [Werth 2021]) как завершение. Как уже отмечалось в историографии:

Не теряя из виду идею последовательности исторического развития, концептуальное «удлинение» эпохи «старого порядка» позволяет заострить внимание на роли традиционалистских движущих сил в «грядущем триумфе модерна». Не случайно именно интеллектуалы «долгого XVIII века» — эксперты в спорах «старых» и «новых» <...> Внимание к взаимовлиянию консервативных и прогрессивных тенденций, к особенностям их противостояния или консолидации в этом процессе является актуальным как для изучения преобразований внутри Российской империи, так и для исследовательского взгляда на нее как на актора европейского культурного пространства [Ананьева 2013: 323].

В установленных хронологических рамках меня интересуют в первую очередь институты, связанные с государственным управлением и администрированием. Поэтому я начну с рассмотрения введенного Майклом Манном понятия «инфраструктурная власть» и кратко охарактеризую его специфику в российском контексте. Для этого мне придется обратиться к истории административного аппарата в России допетровского, петровского и послепетровского периодов. Параллельно я сосредоточусь на исследовании того влияния статусных ценностей (или статусной ментальности), присущих этому периоду на управленческие

процессы. Затем я рассмотрю роль двух институтов — императорской гвардии и императорского двора, которые эффективно эксплуатировали статусные представления, увеличивая инфраструктурную власть российского монарха и российского государства. Оба эти института по своей сути являются вполне «традиционными»: они выполняли модернизационную функцию только в эпоху «старого порядка» с присущими ей особенностями иерархизированного социального и политического устройства. При выборе в качестве периодизационной модели «долгого XIX века» мы вряд ли подумаем о гвардии и дворе как об акторах модернизационного процесса. Время индустриализации, глобализации и постепенной отмены сословных привилегий под одновременным воздействием уравнивательных тенденций национализма (как ключевого принципа социальной политики) и капитализма (как распространителя новой «денежной» морали) заставили все монархические институты выглядеть в той или иной степени «старомодно». Но, как я постараюсь продемонстрировать в данной работе, для своего времени институты гвардии и двора выполняли важнейшую функцию — позволяли сконцентрировать человеческие ресурсы.

В своем анализе я пока не двинусь дальше царствования Екатерины II. Перестройка административной системы империи (включая двор и гвардию) в царствования Павла I и Александра I требует отдельного анализа, включающего рассмотрение появившегося нового фактора — принципа национализма.

Инфраструктурная власть государства в иерархизированном обществе

Россия наряду с Японией, Германией и рядом других случаев традиционно рассматривалась в качестве классического примера «модернизации сверху» [Гершенкрон 2015: 73–79]. Это делало «главным героем» модернизационного нарратива государство, его социальную и экономическую структуру, его трансформации во времени — войны, реформы, внедрение модных в ту или иную эпоху управленческих идей и практик и т. д. Мне уже доводилось упоминать, насколько аналитически ограничивает признание за государством роли центрального актора при анализе внешнеполитических отношений эпохи раннего Нового времени [Демьяненко 2023]. Теперь я попробую продемонстрировать это применительно и к внутренней политике.

В качестве исходной точки моего дальнейшего изложения необходимо привести различие между «деспотической» и «инфраструктурной» властью государства, введенное Майклом Манном в его статье 1988 года:

Можно обозначить как деспотическую власть элиты такие действия, которые эта элита в состоянии предпринять, не вступая в какие-либо переговоры с группами гражданского общества <...> Деспотическая власть может быть наглядно измерена способностью правителей «рубить головы с плеч» и без хлопот удовлетворять свои прихоти с помощью подручных. Деспотическая власть — это именно то, что в литературе обычно подразумевается под «автономной властью [государства]».

Но существует и второй смысл, в котором можно говорить о «власти государства», особенно в современных капиталистических демократиях. Мы можем называть инфраструктурной властью способность государства проникать в гражданское общество и обеспечивать выполнение политических решений на всей своей территории [Мани 2018: 7].

Иными словами — деспотическая власть связана с наличием каких-либо юридических и/или моральных ограничений на способность правящей элиты навязывать свою волю подчиненному населению. Инфраструктурная власть же — это степень организации аппарата управления и принуждения, его способности в рутинном режиме обеспечивать выполнение этой воли. Отсюда обратно пропорциональное изменение во времени отношений между двумя этими типами власти. Чем более мощен аппарат обеспечивающий инфраструктурную власть элит, тем больше стимулов для населения требовать введения каких-либо гарантий того, что его произвол будет так или иначе ограничен — в первую очередь юридическими средствами. Все современные государства крайне сильны инфраструктурно, но слабы деспотически по сравнению с политиями Античности, Средневековья и раннего Нового времени (и соответственно, наоборот).

Отсутствие широкой рефлексии по этому поводу в российской интеллектуальной традиции приводит к довольно односторонней интерпретации российской истории XV — начала XX века. Очевидное отсутствие юридических ограничений на власть монарха до 1905 года, отсутствие парламента и другие «пороки» российского государства — это только «деспотическое» измерение его власти, которое как раз свидетельствует об инфраструктурной слабости Московского царства, а затем Российской

империи. И напротив, те меры, которые привычно рассматриваются как «либеральные», — в первую очередь «Великие реформы» Александра II, — ограничивая степень властного произвола над индивидами и сообществами, значительно увеличивали степень инфраструктурного проникновения государства в толщу населения, делая контакты между массой рядовых подданных и органами власти не спорадическими актами, а неотъемлемым элементом повседневности. Но даже в этот период второй половины XIX века — первый, где у нас есть более или менее надежные количественные оценки как численности населения, так и численности имперского аппарата управления, — Российская империя окажется в значительной степени «недоуправляемой» по сравнению со своими европейскими конкурентами [Величенко 2005]. В чем были причины подобной инфраструктурной слабости российского государства до интересующего меня периода «долгого XVIII века»? Часть из них лежит на поверхности и широко известна: малое количество населения, рассредоточенное на гигантской территории; слабый уровень урбанизации (и следовательно, небольшое число грамотного населения); отсутствие на территории европейской части России благородных металлов для изготовления монет, что в условиях крайней ограниченности внешней торговли вело к слабой монетизации экономики. Все это в совокупности представляло собой замкнутый круг. Для увеличения фискального давления на население требовалось увеличение степени эффективности административного аппарата. Для нее необходимо было увеличить аппарат как количественно, так и качественно, но на это не было средств. Средства же (в условиях отсутствия доступа к залежам благородных металлов) могли быть получены только путем увеличения степени эффективности аппарата.

Хотя Россия всегда была богата землей, земельные раздачи не могли полностью выступить эквивалентом денег для выполнения этой задачи — для эффективной эксплуатации поместья его держателю требовалось или осуществлять управление им непосредственно на месте, или выстраивать административный аппарат второго порядка (вотчинную администрацию)¹. Иными словами, попытка построить государственный

---

¹ Это хорошо понимали ранние советские историки-марксисты. Так, Михаил Покровский в своей статье «Бюрократия», подготовленной им для первого издания Большой советской энциклопедии, приводил в качестве примера бюрократического управления (пусть и в «зачаточной форме») «крепостное имение в России XVIII — первой половины XIX века», в котором имелся свой бюрократический

административный аппарат при помощи земельных раздач привела бы только к еще большей его децентрации — рассеиванию по российским просторам и без того немногочисленных управленческих кадров².

В качестве значительно реже упоминаемой причины является статусная ментальность подавляющей части населения, подконтрольного российскому государству. Хотя все европейские общества эпохи раннего Нового времени были стратифицированы практически исключительно по статусному принципу и чрезвычайно чувствительны к вопросам чести, в России это приняло довольно экстремальные формы в виде системы местничества. Хотя, разумеется, затруднительно измерить степень статусной стратифицированности количественно, но весьма показателен сам факт того, что, несмотря на упорные исследовательские поиски, не удалось обнаружить западно- и центральноевропейские аналоги местнической системы³. Как демонстрируют современные исследования, местничество затрагивало отнюдь не только верхние слои общества («боярскую аристократию»), но и прочие городские корпорации — дворянские (как столичные, так и провинциальные), купеческие («гости») и казацкие [Эскин 2018: 313–377]. Не затронутые местнической системой низшие слои русского общества также были весьма чувствительны к вопросам статуса. Достаточно взглянуть на главу X Соборного уложения, которая устанавливала сложную сетку штрафов за бесчестье всех групп населения — вплоть до крестьян и «гулящих людей» [Тихомиров, Епифанов 1961: 97–110].

аппарат во главе с приказчиком [Покровский 1927]. Сохранившиеся архивы ряда крупных поместных комплексов (да и сама их сохранность как таковая) свидетельствуют о том, что их управленческие структуры по степени сложности, разумеется, хотя и уступали современным им государственным структурам, тем не менее тоже требовали значительных административных усилий, а значит, и соответствующего количества сотрудников, обладавших достаточной степенью компетентности [Индова 1955; Хок 1993].

² В этом, по моему мнению, заключается ключевое различие между гражданскими органами и армией. Если с помощью земельных раздач можно было выстроить довольно эффективно (для своего времени) функционирующую военную силу [Травин 2023: 20–103], то построить таким путем гражданскую администрацию было невозможно.

³ Историография по проблеме местничества весьма обширна, поэтому сошлюсь только на уже приобретшую статус классической (во многом как раз благодаря своему ярко выраженному сравнительному характеру) работу Нэнси Коллманн [Коллманн 2001] и исключительно фундированное в источниковедческом отношении современное исследование Ю. М. Эскина [Эскин 2018].

Применительно к исследуемой мной здесь проблеме статусная ментальность имела два измерения. Во-первых, она накладывала значительные ограничения на способность центральной администрации проникать в толщу местных сообществ. Во-вторых, она отражалась на процессе рекрутинга членов управленческого аппарата, а следовательно, на его потенциале к росту. Рассмотрим два этих измерения последовательно.

Общераспространенная для всех «традиционных» аграрных обществ «этика дара» [Гребер 2016] выступала значительным барьером в деятельности царских администраторов. Понимание взаимоотношений между местным сообществом и представителем центральной власти в качестве основанных на материальных подношениях, с одной стороны, и нематериальных «милостях и заступничестве» — с другой, однозначно маркируется современным сознанием в качестве коррупции. Однако для современников бесспорно коррупционным было только принятие «посула» (то есть взятки), обусловившее совершение однозначно преступных деяний (заведомо неправосудный судебный приговор, служебный подлог и т. д.). В случае если подобной явной взаимосвязи не было, то взятка трактовалась как «почесть», акт демонстрации нижестоящими уважения к облеченному высоким статусом и званием официального лицу, которое, в свою очередь, следуя неписаным этическим нормам, должно было действовать с оглядкой на интересы местного населения. Для значительно недофинансируемой государственной администрации, особенно нижнего уровня, материальные подношения от населения зачастую составляли если не основную, то значительную часть их прожиточных средств.

В результате финансовые расходы на установление «взаимопонимания» с государственной администрацией даже открыто фиксировались в документации крупных собственников (например, монастырей). В то же время «те структурные подразделения органов власти, в производство которых не поступали распорядительные и судебные дела, стали во второй половине XVII века полуофициально именоваться бескорыстными повытьями. Назначение в такое повытье являлось основанием претендовать на повышение жалованья. К примеру, подьячий Посольского приказа Л. Т. Протопопов, подав в 1698 году челобитную об увеличении оклада, специально подчеркнул, что в его повытье “к поживлению дел нет”» (курсив в оригинале. — М. Д.) [Серов 2022b: 212–213].

Подобные представления оказались чрезвычайно устойчивы во времени и воспроизводились в «долгом XVIII веке». Как в 1647 году из города Козлова жаловались в Москву на присланного к ним воеводу

Романа Федоровича Боборыкина, который отказался принимать «кормы», «почести» и «поминки», нарушив тем самым все нормы реципрокности и являясь с точки зрения городских жителей недоговороспособным [Davies 1997: 56–57], так и небезызвестный Василий Никитич Татищев, назначенный в 1734 году начальником уральских горных заводов, столкнулся с аналогичной ситуацией, но повел себя значительно гибче Боборыкина. Как писал сам Татищев в письме графу Андрею Ивановичу Остерману:

О здешних делах ныне инога донести не имею, токмо что раскольников (то есть старообрядцев. — *М. Д.*) по всем заводам стали переписывать, и хотя я думал, что их душ 1000 либо наберется, однако слышу от них самих, что их более 3 тысяч будет. От оных приходил ко мне первый здешний купец Осенев и приносил 1000 рублей, и хотя при том никакой просьбы не представлял, а однако ж я мог вырозуметь, чтоб я с ними так же поступил, как и прежние [начальники]; я ему отрекся, что мне, не видя дела и не зная за что, принять сумнительно. Назавтра пришел паки, да с ним Осокиных приказчик Набатов и принес другую тысячу; но я им сказал, что ни десяти не возьму, понеже то было против моей присяги. Но как они прилежно просили и представляли, что ежели я от них не приму, то они будут все в страхе и будут искать других мест, и я, опасаясь, чтоб никакого вреда не учинять, обещал им оныя принять, когда о невысылке их указ получу, а до тех бы мест держали те деньги у себя, и с тем их отпустил» [Цит. по Покровский 1984: 56–57].

Здесь можно в концентрированном виде наблюдать довольно типичную ситуацию: местное сообщество делает подношение представителю власти, не требуя взамен ничего конкретного, кроме отсутствия действий, способных нарушить статус-кво, и в противном случае угрожая попросту сбежать или каким-либо другим способом саботировать деятельность государственной администрации. Татищев был буквально вынужден принять «взятку» (и следующие из нее моральные обязательства), поскольку не имел никаких средств к обеспечению рутинного перманентного принуждения членов местного сообщества. Как видно из цитаты, он даже банально не имел точной информации о количестве населения в зоне своей ответственности.

По всей видимости, ситуации подобного рода преследовали верного царского слугу всю его жизнь. В другом своем тексте — «Духовная моему сыну» (цитата из которой вынесена в эпиграф этой работы) — Татищев и вовсе разработал что-то вроде «моральной теории взятки», упоминая

разбирательство по доносу на него Никиты Демидова, проходившее с непосредственным участием самого Петра I. То, что татищевская апология «гибкого подхода к управлению» без каких-либо цензурных ограничений была впервые напечатана в 1773 году, а позднее неоднократно переиздавалась, может свидетельствовать о том, что нижеизложенные рассуждения не казались российским читателям того времени чем-то скандальным. Татищев (с его слов) якобы не побоялся без каких-либо последствий для себя изложить не отличающемуся гуманизмом первому русскому императору следующее:

В начале судия должен смотреть на состояние дела, если я и ничего не взяв, а противу закона зделаю, повинен наказанию, а если изомзды, то к законопреступлению присовокупится лихоимство и должен сугубого наказания. Когда же право и порядочно сделав, и от правого вознаграждения приму, ничем осужден быть не могу. Другое, если мзду за труд пресечь и только одно мздоимство судить, то, конечно, более вреда государству и разорения подданным последует. Тако, я должен за получаемое жалованье сидеть только до полудни, в которое мне, конечно, времени на решение всех нужных просьб не достанет, а после обеда трудиться моей должности нет.

Другое, когда я вижу дело в сумнительстве, то я никогда внятно его исследовать и о истине прилежать причины не имея, буду день от дни откладывать, а челобитчик принужден с великим убытком волочиться и всего лишиться.

Третье, дела в канцеляриях должны решиться по реестрам порядком, и случается то, что неколико дел весьма ненужных впереди, а последнему по реестру такая нужда, что если ему дни два решения продолжится, то может несколько тысяч убытка понести, что купечеству нередко случается, и тако от правого порядка может более вреда быть. Если я вижу, что мой труд не туне будет, то я не токмо после обеда, и ночью потружуся, для того карты, собак и беседы или прочие увеселения оставлю и, несмотря на регистер, нужнейшее прежде ненужного решу, чем как себе, так [и] просителям пользу принесу и за мзду взятую, от Бога и Вашего Величества по правде сужден быть не мог (курсив мой. — М. Д.) [Татищев 1896: 21–22].

Таким образом, недофинансирование органов власти в сочетании с крайне устойчивыми во времени представлениями населения (стоит еще раз напомнить — отнюдь не уникальными для России, а общими для всех традиционных обществ) формировали довольно прочный барьер на пути попыток центральной администрации проникнуть вглубь местных сообществ с целью их мобилизации для нужд государственной политики.

Теперь перейдем к ограничениям, которые статусная ментальность накладывала на вербовку персонала в сам административный аппарат. Сформировавшаяся в России XVI–XVII веков система центрального управления, фигурирующая в историографии в качестве «приказной системы» (и ее продолжение в виде воеводской системы местного управления), обладала рядом специфических черт.

Во-первых, указы были относительно компактной группой учреждений. Хотя общее число указов постоянно менялось, что стоило историкам, пытавшимся зафиксировать их точное число в тот или иной момент времени многих десятилетий упорного труда⁴, но общее количество служащих было сравнительно незначительным. В 1640-х годах, по подсчетам Н. Ф. Демидовой, количество служащих в московских учреждениях составляло 837 человек, в местных (крупные города по всей остальной территории России) — 774; всего 1611 человек. К 1690-м годам аппарат значительно вырос до 2739 в центральных и 1918 в местных учреждениях; всего 4657 человек [Демидова 1987: 37].

Во-вторых, в указах отсутствовала формализованная система обучения — указы познавали все тонкости своего ремесла непосредственно на рабочем месте. В результате ключевым предиктором успеха в этой системе был возраст поступления на службу: чем раньше юноша приступал к изучению порядка делопроизводства, тем большего карьерного положения он добивался [Серов 2022а: 103–113]. Это приводило к появлению настоящих «чиновничьих династий» и способствовало значительной замкнутости приказной среды, которая являлась отдельной статусной группой (или, вернее, набором из нескольких статусных групп — «чинов») московского общества, отличной как от военно-служилых групп, так и от масс посадского и крестьянского населения⁵.

---

⁴ Эта задача была решена только совсем недавно с выходом издания «Указы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник» [Лисейцев, Рогожин, Эскин 2015].

⁵ Как отмечает Нэнси Коллманн: «При кремлевском дворе подчиненный статус бюрократии был отмечен символически: Григорий Котошихин в 1660-х годах сообщал, что думные дьяки во время заседания Боярской думы стояли, в то время как бояре (и окольные) сидели. Это статусное отличие проявлялось и в том, как следовало входить в Кремль, — представители высшего слоя перед тем, как спешиться или покинуть свой экипаж, чтобы пройти остаток пути пешком, могли проехать гораздо дальше, чем дьяки, а подьячим низших разрядов вообще запрещалось въезжать в Кремль верхом. Лишь в 1680 году думным дьякам разрешили писать свой патроним с “вичем”, что было большой честью. Несмотря на это, бюрократы

Уже в Петровскую эпоху, когда началось формирование относительно единого социального слоя шляхетства-дворянства⁶, некоторые высокопоставленные приказные семьи сознательно саботировали для себя приобретение этого нового (и казалось бы, более высокого) социального статуса, поскольку он был сопряжен с большим риском отправиться на фронты Северной войны [Жуковская, Акельев 2016].

Несмотря на все вышесказанное, нет оснований рассматривать приказную систему в качестве заведомо неэффективной, исходя из современных нормативных представлений. Хотя в нашем распоряжении нет метрик, которые позволили бы однозначно установить степень эффективности административных учреждений, отделенных от нас тремя-четырьмя столетиями, все же следует привести ряд примеров, свидетельствующих об определенном соответствии приказной системы потребностям и возможностям Московского государства.

Так, вопреки «запутанности» и «нелогичности» приказной системы для взгляда современного наблюдателя, нам неизвестны случаи ошибочной подачи документов в тот или иной приказ. Разумеется, это может быть вызвано и сохранностью дошедших до нас источников, но для сменивших приказы коллегий и департаментов Сената количество неправильно поданной и позднее пересылаемой «куда надлежит» документации не поддается исчислению. Следовательно, для современников приказная система была в той или иной степени привычна и понятна. Это может быть обусловлено как устойчивостью основных приказов во времени — к моменту ликвидации приказной системы Поместный и Разрядный приказы (наиболее часто взаимодействовавшие со «служилыми людьми») существовали более ста пятидесяти лет, — так и наличием внутри приказной системы своеобразного «маршрутизатора» в лице Челобитного приказа⁷. Стоит упомянуть и о существовании профессиональных групп-посредников (например, «площадных писцов» — своеобразного

обладали престижем и статусом, ставившими их выше других групп населения: по Соборному уложению 1649 года дьяки и думные дьяки получали за бесчестье значительную компенсацию» [Коллманн 2016: 83].

⁶ До царствования Петра I назвать боярина дворянином означало нанести ему тяжелое оскорбление. Поиск обобщающего термина для всей социальной страты привилегированных царских слуг очень долго склонялся к полонизму «шляхетство», пока по ряду причин не возобладал термин «дворянство» [Петрухинцев 2013].

⁷ Выражаю глубокую благодарность Дмитрию Владимировичу Лисейцеву за подробную консультацию по этим вопросам.

московского аналога нотариата), помогавших за вознаграждение правильно оформить и подать челобитную [Коллманн 2016: 97–98].

Не нашел подтверждений в источниках и стереотип о «приказной волоките». Например, наиболее чувствительные для служилых людей финансовые вопросы, судя по сохранившейся документации начала XVII века, решались довольно оперативно — выдача жалованья из Казенного приказа в большинстве случаев занимала один-два дня, в редких случаях затягиваясь до двух недель [Лисейцев 2011: 127]. Отвечавший за кадровые вопросы Разрядный приказ в последней четверти XVII века тоже работал весьма оперативно, в особенности если это касалось вопросов обороны — например, приказ оказался способен менее чем за месяц обработать информацию о чуть более чем 47 тыс. служилых людей Белгородского полка [Новохатко 2007: 588–591].

Однако мне представляется, что, вопреки распространенной в последнее время в историографии гиперпозитивной оценке приказной системы [Новохатко 2007; Писарькова 2007] как более «органичной», отвечающей российским условиям и имеющей потенциал для роста, — для таких оценок нет особых оснований. Приказная система была в значительной степени изолированной как пространственно (преимущественно концентрируясь в Москве), так и социально. Тот слой населения, который с начала XVIII века будет известен под собирательным названием «дворянство», в приказах (а также воеводских канцеляриях в системе местного управления) не работал и испытывал к подобному роду деятельности статусно-обусловленную антипатию.

Как показывают современные исследования по истории понятий, почетная «служба» московскому государю и иные, менее престижные виды деятельности семантически разводились. Служить царю можно было только с оружием в руках или будучи в посольстве. «Для обозначения деятельности дьяков и подьячих в приказах и приказных учреждениях, при которых они состояли на постоянной основе, существительное служба не использовалось вплоть до начала XVIII века. В языке предыдущих столетий имелись для этого другие выражения, а именно: сидеть *в* приказе (приказное сиденье), работать *в* приказе, *быть* у государевых дел, делать приказные дела, работать приказную работу» (курсив в оригинале. — М. Д.) [Жуковская 2013: 97–98]. Разведение «службы» и «работы», уподобляло делопроизводственную деятельность непрестижному физическому труду. Как указывает Анна Жуковская, именно петровское царствование сумело ликвидировать этот разрыв:

Вхождение приказной работы в понятие службы оставалось немислимым до тех пор, пока обязанность водить пером по бумаге воспринималась как унижение. Верхом успеха дьяческой карьеры было сокращение до минимума необходимости собственноручно писать. Котошихин недаром замечал, что «думной дьяк приказывает подьячему, а сам <грамоты> не готовит, толко чернит и прибавливает, что надобно и ненадобно»⁸. Не неграмотность, конечно, а именно культурный статус письма как работы не позволял московским государям и представителям знати публично брать в руки перо, которое в этом смысле ничем не отличалось от топора. В данной области Петр I заложил основу, без которой подъем социального престижа чинов, писавших для царя, был бы немислим: он сумел расправиться с древним культурным предубеждением русского общества против делового письма как формы физического труда. Начав собственноручно писать публичные акты, Петр I не оставил выбора и своим вельможам [Там же: 105–106].

Соответственно, приказная система имела ограниченный потенциал роста, обусловленный в первую очередь статусными предрассудками. Ключевой задачей, которую предстояло решить новорожденной Российской империи в XVIII веке было наращивание своей инфраструктурной власти — в первую очередь через расширение социальной базы для гражданской службы. Прежде чем перейти к роли статусных игр в этом процессе, следует кратко остановиться на структурных изменениях административной системы в петровское царствование.

Петровское наследство

Попытка Петра I частично демонтировать приказные структуры, инкорпорировав в административную систему заимствованные из западноевропейского опыта принципы жестко специализированного отраслевого управления, привели к «перегрузке» всего государственного аппарата:

---

⁸ Имеется в виду знаменитое сочинение Григорий Котошихина (служащего Посольского приказа, перебежчика на шведскую службу) «О России в царствование Алексея Михайловича». Подготовленное по заказу шведского правительства, оно является классическим источником по истории Московского царства на заключительном этапе его существования.

Возрастанию внутреннего документооборота способствовало введение принципов коллежского делопроизводства, особенно масштабно проявившее себя в последние годы правления Петра. Ведение протоколов, регистров, так называемых сборных книг, справок и экстрактов, обязательное документирование приговоров и выписок, поступавших из присутствия учреждения в его канцелярию и обратно (что было абсолютно не присуще приказной практике), <...> фискальная документация, материалы переписей, в особенности масштабной Первой ревизии, создавали не поддающийся учету документационный массив. Сами принципы «правильного» бюрократического управления, ориентировавшие исполнителя не столько на решение дела по существу, сколько на подтверждение правомочности своих действий, провоцировали создание избыточных документов вроде рапортов о получении указов или указов о рассылке указов из вышестоящих в нижестоящие учреждения и обратно. Думаю, что если предположить, что один инициативный документ в петровское царствование мог порождать не менее десятка других, связанных с ним, то это не будет преувеличением (курсив в оригинале. — М. Д.) [Редин 2016: 197–198].

Увеличение количества инстанций не сопровождалось сопоставимым ростом количества чиновников [Там же: 198]. Не хватало и людей, и денег. Петровская попытка дополнить развитую и специализированную систему центрального управления столь же сложно устроенной местной (губернская реформа 1719 г.) провалилась. Преемникам Петра пришлось вернуться к воеводской системе местного управления как более дешевой [Богословский 1902].

Сыграло свою роль и появление Санкт-Петербурга на карте страны. Перемещение столицы в малозаселенное и слабо связанное с остальными регионами России место привело к необходимости перемещения туда и центральных органов управления. Поскольку это делало ключевые учреждения (например, Юстиц- и Вотчинную коллегии) недоступными для значительной части населения центральных и южных регионов страны, некоторые из них пришлось возвращать в Москву и дублировать в Петербурге. Или, наоборот, открывать филиал («контору») петербургской коллегии в Москве. Необходимость подобного дублирования еще сильнее сказывалась на и без того скудном человеческом потенциале империи. Можно привести множество трагикомичных примеров того, как постпетровские государственные учреждения яростно делили между собой особенно перспективных сотрудников:

Случались ситуации, когда первые сановники империи лично перемещали подьячих из Ямской канцелярии в Тайную или решали, где именно надлежит работать секретарю Петру Зеленому, поскольку на него претендовали сразу две конторы. В итоге приняли соломоново решение: «В провиантской канцелярии... быть в неделю по 2 дни, а прочие 4 дня быть в Генеральном кригс-комиссариате» [Курукин 2014а: 316].

В результате и петровскую, и послепетровскую административную систему можно метафорически уподобить дереву с двумя гигантскими кронами (Москва и Санкт-Петербург), опирающимися на очень тонкий и хилый ствол системы местного управления (воеводские канцелярии в губернских, провинциальных и уездных городах с крайне скудным материальным и кадровым обеспечением). Однако, несмотря на это, империя продолжала расширяться, одерживать победы на полях сражений и худо-бедно справляться с внутренними вызовами в виде различного рода бунтов, эпидемий и недородов.

Этот кажущийся парадокс привлек внимание историков сравнительно недавно — в начале XXI века. М. В. Бабич выявила и проанализировала источники по органам экстраординарного управления первой трети XVIII века — комиссиям, общее число которых составляло около 120 [Бабич 2003]. Комиссии существовали и активно участвовали в управлении и после проанализированного исследовательницей периода. Например, вопреки своему названию, Комиссия о каменном строении Петербурга и Москвы занималась созданием планов «регулярных городов» для всей территории империи в царствование Екатерины II [Белов 2019]. Создаваемые *ad hoc* и наполняемые тем персоналом, который был доступен «здесь и сейчас», комиссии приняли на себя значительную часть административной нагрузки и позволили управленческим структурам империи справляться с внешними и внутренними вызовами. Весь период от начала перестройки административной системы в 1710-х годах до завершения губернской реформы Екатерины II в 1790-х годах, представляет собой время сосуществования органов ординарного и экстраординарного управления.

Таким образом, вопреки идеологическим представлениям эпохи о самой себе, петровское и постпетровское государство было чрезвычайно далеко от какой бы то ни было «регулярности». Однако оно все же неумолимо двигалось в данном направлении весь XVIII век. Не последнюю роль в этом сыграло использование статусных представлений

для обеспечения постепенного перетока дворян с военной службы на гражданскую. Рассмотрим этот процесс подробнее.

Дворянские вольности и инфраструктурная власть

Манифест Анны Иоанновны от 3 декабря 1736 года, ограничивший срок обязательной службы дворян двадцатью пятью годами, довольно долгое время трактовался в духе классового подхода как следствие использования возможностей «абсолютистского государства» для получения социальных привилегий его ключевым классом.

Вернувшиеся к этому сюжету после распада СССР историки, более не ограниченные марксистскими шорами, радикально переоценили значение этого законодательного акта. Во-первых, как выяснилось, процесс выхода в отставку был обставлен таким количеством ограничений, что стал, по существу, «призрачной льготой», которую по своей инициативе могли получить только или откровенно негодные к военной службе по состоянию здоровья, или обладающие очень мощной протекцией [Фаизова 1999: 35–44]. Во-вторых, манифест окончательно законодательно оформлял и унифицировал до этого спорадическую практику предоставления выходящим в отставку повышения на один чин. Такое положение было исключительно важным, поскольку, по сути, давало в руки правительству рычаг управления человеческими ресурсами. Отныне можно было «защищать» различные эшелоны командного состава армии от престарелых офицеров, тем самым освобождая ограниченные (по финансовым соображениям) вакансии для молодых дворян. Взамен же отправленные в отставку получали столь желанное повышение:

Отставка (по Манифесту 1736 г.) после 25 лет службы, значимых даже при сегодняшней продолжительности жизни, возможно, не казалась современникам столь революционным новшеством, как историкам. Тем более что к концу 1730-х гг. увязывание определения повинностей/привилегий с «летами» было для дворян вполне привычно <...> Для дворян гораздо более важной была проблема ранга, отражавшая глубоко укорененное в общественном сознании восприятие чина как надежнейшего показателя успеха, средства самоидентификации, залога социального статуса и, наконец, чувства превосходства над всеми занимающими низшие ступени в чиновной иерархии или не допущенными к ней совсем. И отставка в качестве одного из средств завоевать более высокое положение могла быть

много существеннее, чем способ добиться ее по возрастному «цензу» [Бабич 2013: 89–90].

При этом отставка с военной службы отнюдь не означала для многих дворян перехода к тихой и спокойной жизни, удаленной от государственных дел. Их активно привлекали к самой разнообразной — и, что немаловажно, зачастую неоплачиваемой — службе в системе местного управления. Например, к передаче сообщений, таможенному делу, участию в следственных и судебных мероприятиях. Наконец, многих армейских отставников назначали на воеводские должности (но такая служба хотя бы оплачивалась) [Фаизова 1999: 82–98]. Это вело к перманентным конфликтам между отставниками и органами государственного управления. Однако первый шаг в сторону перемещения человеческих ресурсов между двумя основными видами государственной службы был сделан. Дальнейшие шаги правительства эту тенденцию поддержали и расширили.

Так, в данной области исключительную роль сыграл Манифест о вольности дворянской Петра III (8 февраля 1762 г.). Следует подчеркнуть, что Манифест никоим образом не принижал значение службы императору как социокультурной ценности. Напротив, 9-й пункт документа прямо предполагал использовать статусный механизм для вынесения санкций «уклонистам»:

Мы надеемся, что все благородное Российское Дворянство, чувствуя толикие Наши к ним и потомкам их щедроты, по своей к Нам всеподданнической верности и усердно побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать, и честным ни неззорным образом оную по крайней возможности продолжать, не меньше и детей своих с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам, ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели, но только как сами в лености и праздности все время препровождать будут, так и детей своих в пользу отечества своего ни в какие полезные науки не употребят, тех Мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать, всем Нашим верноподданным и истинным сынам отечества повелеваем, и ниже ко Двору Нашему приезд, или в публичных собраниях и торжествах терпимы будут [Манифест о даровании вольности и свободы... 1830].

По сути, Манифест о вольности был попыткой еще раз официально обозначить значение службы царю как привилегии, дополнив ее возможностью выходить в отставку по собственной воле в любое мирное время.

Практический результат был довольно неожиданным. Если крупные помещики Манифест в подавляющем большинстве проигнорировали и остались в армии, то мелкие, напротив, начали активно пользоваться новым правом не служить [Фаизова 1999: 113–117]. Очень многие из них через некоторое время обнаружили, что выживать без государева жалованья (пусть временами скудного и нерегулярного) очень сложно и начали активно проситься обратно:

Этот неожиданный результат отмены обязательной службы дворянства породил такое новое явление, как дворянская «безработица». А Герольдмейстерская контора, которая в 1730–1750-х гг. из-за нехватки кадров постоянно разбирала тяжбы между местными властями и отставными помещиками, протестовавшими против принудительного привлечения их к делам местного управления, в 1760-е гг. превращается в своеобразную биржу труда, где сотни отставных месяцами, а то и годами ожидали вакансий [Там же: 127].

Многим удавалось вернуться в полевую армию или гарнизонные войска, но немалое число — 1330 человек из 6590 отставников за первые десять лет с момента введение в действие положений Манифеста — вернувшись, пополнили собой ряды нижних и средних этажей гражданской администрации [Там же].

Завершающим аккордом стали «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» Екатерины II (1775 г.). Суть реформы состояла в увеличении количества губерний примерно в два раза — вместо петровских 23 появилось 50 губерний, сопровождавшихся и увеличением количества местных органов государственной власти, и, соответственно, персонала (разумеется, необходимо учитывать и значительное территориальное расширение империи в екатерининское царствование). При этом над губернаторским постом надстраивался еще один административный уровень в виде должности генерал-губернатора, под управлением которого оказывались сразу две или три губернии одновременно.

Это изменение административно-территориального устройства империи, значительно увеличившее степень инфраструктурного проникновения российского государства в толщу населения, имело под собой, предположительно, в том числе и статусную мотивацию. По мнению Джона ЛеДонна, сравнившего законодательный статус дореформенного губернатора с постреформенным, имела место скрытая «инфляция» губернаторского положения. По объему своих полномочий дореформенный губернатор практически полностью совпадал с появившимся

в результате реформы генерал-губернатором. Следовательно, у губернатора пореформенного образца властных полномочий было значительно меньше, но высокое статусное положение в обществе, получаемое из-за авторитета должности, сохранялось. По мнению американского историка, это было необходимо для «трудоустройства» большого количества высокопоставленных военных, появившихся в результате ускоренного чиновничьего производства в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, для которых не хватало соответствующих вакансий в армии [LeDonne 1979]. Так это или не так, еще предстоит выяснить на архивном материале, но гипотеза представляется правдоподобной, поскольку полностью укладывается в вышеизложенную логику постепенного перевода военных на гражданские посты.

Итак, выше я в очень краткой форме изложил свое видение административной истории России XVII–XVIII веков. Мне представляется несомненным то, что российское государство данного периода было в инфраструктурном отношении чрезвычайно слабым. Это само по себе означает, что любой анализ правительственных действий той эпохи должен учитывать такую слабость. По сути, для рассматриваемого периода неудачная (с современной точки зрения) реформа являлась абсолютной нормой в силу самого состояния аппарата, который должен был ее осуществлять, — не хватало персонала и, следовательно, снижалось количество и качество обрабатываемой им информации. И наоборот, я убежден, что значительную часть успешных реформ в XVIII веке можно объяснить только осознанными попытками их инициаторов снизить информационную нагрузку на органы власти.

Как я показал выше, имперское правительство осознавало проблему своей инфраструктурной слабости и пыталось взять кадры для гражданской администрации в единственном месте, где это было возможно, — забрав их у армии. Исключительную роль в данном процессе перетока персонала из одного вида государевой службы на другую сыграли статусные механизмы. Но имелись и более изощренные способы заставить подданных империи выполнять административную работу так, чтобы они не чувствовали себя униженными и обделенными государевой милостью. Я наконец перехожу к самым престижным институциям империи, к их роли в работе государственного механизма и их месту в модернизационном процессе.

Императорская гвардия и инфраструктурная власть⁹

Гвардейские части появились в российских вооруженных силах в 1690-х годах. Преображенский и Семеновский полки отлично себя проявили в ходе Северной войны (1700–1721 гг.), при этом участвуя во всех видах войсковых операций: от генеральных сражений до «малой войны». Однако применимо к рассматриваемой мной проблеме более интересны другие аспекты жизни гвардии — образовательный и квазигражданский, получившие интенсивное развитие после победы под Полтавой в 1709 году.

Гвардия очень рано начала играть роль офицерской школы, особенно в таких высокотехнологичных областях, как артиллерийское и инженерное дело. При Преображенском полку существовала отдельная Бомбардирская рота, чьим капитаном был лично Петр I (совмещая это звание со званием полковника всего Преображенского полка). При Семеновском полку также существовала инженерная команда. Эти подразделения, по сути, были первыми специальными военно-учебными заведениями в российской истории. Их элитный статус подчеркивался службой в них членов царской фамилии. Так, в 1719 году внука государя (будущего Петра II) зачислили на службу сержантом именно Бомбардирской роты Преображенского полка [Курукин 2016: 137].

С 1710-х годов гвардейцы начинают очень активно привлекаться для выполнения различных поручений, функционально относящихся, скорее, к гражданской службе. Инженеры-гвардейцы осуществляли работы на строительстве каналов, помогали разворачивать металлургическую промышленность на Урале. Гвардейские офицеры активно наполняют собой вышеупомянутые органы экстраординарного управления — комиссии. Среди них следует отдельно выделить так называемые майорские разыскные канцелярии, — как следует из названия, они возглавлялись гвардейскими майорами и являлись первыми

---

⁹ Историография по истории императорской гвардии огромна и разнообразна — начиная от «полковых историй», написанных зачастую самими строевыми офицерами этих полков и заканчивая биографиями отдельных выдающихся гвардейцев. В написании настоящего раздела я опирался преимущественно на два современных исследования, обобщивших весь этот массив: монографию С. В. Андрияйна и Е. М. Болтуновой [Андрияйн 2020: 16–119; Болтунова 2011]. Чтобы избежать перегрузки текста сносками на эти работы, я буду прибегать к ним только в случае прямого цитирования фрагментов данных монографий. Ссылки на других авторов даются в полном объеме.

специализированными следственными органами в российской истории [Серов, Федоров 2018]. Гвардейцы выполняли функции фельдъегерей и дипломатических курьеров, обеспечивая доставку сообщений по всей России и за ее пределами. Они же осуществляли надзор над ходом подушевой переписи начиная с 1720 года, активно «подгоняя» органы местной администрации [Анисимов 1982: 66–67]. Этот институт «понуительства» активно использовался и позднее — в царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Региональная власть, разумеется, не испытывала по отношению к деятельности гвардейского надзора никакого энтузиазма и всячески ее при случае саботировала:

Имевшиеся в городах и уездах источники казенных доходов в виде мельниц, рыбных ловель, мостов и перевозов, «отдаточных» земель и т. д. были успешно «приватизированы» местными чиновниками, а официально значились сданными на откуп (за гораздо меньшую сумму) или просто лежащими «впусте» <...> Порой даже гвардейцы, прибывавшие с «понуждениями», не знали, что делать в таких случаях: документацию от них прятали, губернатор отправлялся «в поле с собаками», а другие чиновники — «по хуторам своим» [Курукин 2014а: 326].

Разумеется, именно на гвардию пала неблагоприятная роль осуществления политического сыска и охраны особо важных заключенных. Так, бессменный глава Тайной канцелярии при пяти правителях (Петр I, Екатерина I, Анна Иоанновна, Иоанн Антонович, Елизавета Петровна) Андрей Иванович Ушаков всю свою карьеру делал в гвардии, дослужившись до высшего звания — подполковника Семеновского полка. Использовались гвардейцы и для подавления восстаний.

Очень велика была роль гвардейских частей как неотъемлемой составляющей повседневной жизни столичного общества. Гвардейцы тушили в Петербурге пожары; проверяли билеты, выданные от Придворной конторы на театральные постановки, и охраняли сами представления; гвардейские полковые оркестры использовались для музыкального сопровождения публичных приемов [Писаренко 2003: 77, 80, 155–156]. «Портные Семеновского полка оказались самыми способными к шитью мундиров из лучшего английского сукна и получали за труды поденную плату; Военная коллегия поручала им шить образцовые мундиры для армии, а Придворная контора заказывала у них театральные костюмы» [Курукин 2014а: 117]. Портные же Преображенского полка приняли участие в отделке дворцовых покоев для Анны Леопольдовны [Курукин 2012: 142]. Служащие гвардейской артиллерии

обеспечивали организацию фейерверков. Со временем вся эта, казалось бы, второстепенная деятельность начинает постепенно превалировать над основной.

В период после окончания Северной войны и до начала Наполеоновских войн роль гвардии как боевых частей неуклонно снижается. Хотя, вопреки распространенному в советской историографии мнению, гвардия участвовала в боевых действиях на всем протяжении XVIII века. Но, начиная с царствования Анны Иоанновны, гвардейцы в основном отправлялись к местам боевых действий или в качестве добровольцев в рядах армейских подразделений (причем не только российской, но и союзных армий) или в составе специально созданных сводных воинских частей, сформированных из нескольких батальонов различных гвардейских полков. Вся гвардия целиком после Петра I и до Александра I участия в боевых действиях не принимала. Максимальный пик участия гвардейцев в боевых действиях этого периода — это Русско-шведская война 1788–1790 годов. Ведение боевых действий в непосредственной близости от Санкт-Петербурга и обусловило значительное участие гвардейских частей в этом конфликте.

Напротив, роль гвардии как универсального административного инструмента и школы кадров за указанный период только росла. По подсчетам Ю. Н. Смирнова, выходцы из гвардии составляют 41,5 % назначений на ключевые должности в имперском аппарате управления за 1700–1762 годы. Всего 454 назначения. В том числе были бывшими или действующими гвардейцами: 42 из 106 сенаторов; все 7 президентов Военной коллегии; все 6 начальников Тайной канцелярии; 3 из 4 генерал-прокуроров; 7 из 13 обер-прокуроров Синода. Сильны были позиции выходцев из гвардии и в корпусе региональных администраторов, особенно в наиболее угрожаемых, окраинных регионах: 8 из 13 генерал-губернаторов в Прибалтике, Москве и Сибири; 10 из 29 губернаторов на этих же территориях; 7 из 9 «главных командиров» на Украине [Смирнов 1989: 44–49]. Причем, как отмечает исследователь, почти все эти назначения имели реальный характер. Случаев, когда человек ранее занимал какой-либо ключевой пост и получил гвардейский чин в качестве почетного, насчитывается всего три [Там же: 50]. К сожалению, в нашем распоряжении нет столь же скрупулезных расчетов относительно численности выходцев из гвардии в административном аппарате за время царствования Екатерины II. Это связано в основном со взрывным ростом самой гвардии и, как следствие, кратно увеличивающейся сложностью с архивным поиском и обработкой материалов источников.

До правления Екатерины II рост гвардии был в основном вызван политическими причинами и носил характер увеличения численности ее основных организационных единиц. Созданные в самом начале царствования Петра I Преображенский и Семеновский полки оставались единственными подразделениями в этом статусе до начала правления Анны Иоанновны — сформированная по случаю коронации Екатерины I рота кавалергардов просуществовала недолго. Императрица Анна, имевшая возможность убедиться в политической силе гвардии в ходе борьбы вокруг «кондиций», постаралась уравновесить «старую», петровскую гвардию новыми подразделениями. Так, в составе русской гвардии появились два новых полка — Измайловский и Конный. Анна Иоанновна также принимает на себя роль полковника всех четырех гвардейских полков и самолично занимается контролем над всеми кадровыми передвижениями в них вплоть до солдат [Курукин 2014b: 191]. В новых полках вакансии рядовых преимущественно заполнялись выходцами с Украины, а офицеров — из Лифляндии. При Елизавете Петровне к этой структуре добавляется отдельная рота Лейб-компания, капитаном которой также была лично императрица (распушена Петром III) [Демкин 2016]. Екатерина II восстанавливает кавалергардов в качестве своей личной охраны (из-за чего в придворной лексике возникает оборот «пройти за кавалергардами», означающий, что у человека есть право свободного доступа к императрице). При ней же появляются Лейб-гвардии гусарский и казачий эскадроны, а также отдельные егерские команды при всех трех пехотных гвардейских полках.

Феноменальный рост же количества служащих в этих подразделениях объясняется другими факторами. При Екатерине II окончательно институционализируется роль гвардии как механизма конвертации денежного капитала в социальный. Широко известное явление записи в гвардейские полки дворянских «недорослей», появившееся еще во второй четверти XVIII века, но достигшее пика при Екатерине II, часто порицалось, но недостаточно анализировалась. Смысл этой практики может быть понят только если мы примем во внимание однозначный приоритет статусной иерархии над денежной в сознании современников.

В гвардии, как и везде в империи, существовало довольно ограниченное количество вакансий с жалованьем. Соответственно, для карьерного роста не слишком богатому унтер-офицеру или офицеру, служившему за жалованье, было необходимо ждать появления вакансии — и только после ее освобождения происходило получение им очередного чина. Однако допускалось несение службы за собственный счет. В таком случае рост

в чинах «своекоштных» происходил независимо от текущего состояния дел с вакансиями, а повышения производились в соответствии со сроком выслуги более быстро, регулярно и предсказуемо. Причем при производстве в унтер-офицерские и офицерские чины гвардейцам необходимо было продемонстрировать соответствующий уровень образования, проверяемый на смотрях. Те «своекоштные» дворянские недоросли, родители которых могли позволить или нахождение отпрыска в Санкт-Петербурге, где он мог обучаться непосредственно в полках, или же приобретать образование частным образом у себя в имении, получали преимущество.

Таким образом, для богатых аристократических фамилий гвардия служила механизмом конвертации денег в ускоренный рост в чинах. Для бедных дворян — возможность получать жалованье взамен за сравнительно медленный (но все равно ускоренный по сравнению с остальными видами государственной службы) карьерный рост. О качестве подготовки кадров существование этой «коррупционной» для современного взгляда практики не говорит ровным счетом ничего. Достаточно упомянуть, что Александр Васильевич Суворов до своего «выпуска» в армию в чине поручика служил в Семеновском полку именно в качестве «своекоштного». Государство же получало сравнительно высокомотивированных служащих и в случае необходимости могло отправлять гвардейцев в армию в качестве нижнего командного состава или привлекать их к другим видам служебной деятельности буквально сотнями. Так, «в 1792 г. в гвардейских полках состояло 11 537 унтер-офицеров, хотя по штату их требовалось не более 400. Самые фантастические цифры были в Преображенском полку, там насчитывалось 6134 унтер-офицера и 3502 рядовых <...> Под рукой у императрицы оказывался огромный кадровый резерв. В 1792 г. в армию было выпущено 250 гвардейских унтер-офицеров сразу. В 1796 г. производство составило 400 человек» [Андрияйнен 2020: 104, 106]. Даже в случае выхода ни дня не находившихся на действительной службе «своекоштных» сразу в отставку государство ровным счетом ничего не теряло, ведь оно и так не потратило на них ни рубля, а вот приобретать какое-никакое образование эти люди были вынуждены.

Таким образом, гвардия представляла собой крайне эффективный для своего времени механизм концентрации и повышения качества человеческих ресурсов. Зачем силой принуждать дворян к службе и получению образования, если можно эксплуатировать их статусные предрассудки? Будучи неотъемлемой частью имперского административного механизма, гвардия тем не менее рассматривалась именно как род военной (а следовательно, и более почетной) службы — выдающийся образец

социальной иллюзии «галантного века». Именно с этим связано полное отсутствие попыток вывести гвардию из военной части «Табели о рангах». Как писала Екатерина II Григорию Потемкину в 1786 году по поводу предложения генерал-аншефа князя Н. В. Репнина перевести гвардию из военного ведомства в придворное:

Репнин сюда приехал и стал хуже старой бабы; вздумал в его-рьевской думе заражать сумнением первый корпус армии, гвардию, которой я полковник, а он, дурак, за честь почитать должен, что подполковник. Почитать ли тот корпус и инженерный — за военный, — с тем пришел словесно мне доложить. Я его отделала, как вы можете мне верить, но как я думала, что ушам своим едва могу ли верить и не ослышалась ли я, то требовала, чтоб о том подал записку, и он оную подал [Екатерина II — Г. А. Потемкину. 19.11.1786 г.].

По всей видимости, эта инициатива до такой степени возмутила царицу, что упоминание о ней встречается еще в одном письме к Потемкину: «Восхитительное предложение князя Репнина побудило меня в день Святого Георгия надеть гвардейский мундир и гордиться им аки пава (то есть самка павлина. — *М. Д.*)» [Екатерина II — Г. А. Потемкину. 18.12.1786 г.]. Однако несчастный князь Репнин в своей оценке гвардейской службы как приобретшей к концу века скорее характер придворной был отнюдь не одинок. Того же мнения придерживались и Суворов, выражавший недовольство изнеженностью и «придворными манерами» гвардейских офицеров [Андрияйнен 2020: 95], и княгиня Дашкова, написавшая о том, что гвардия «составляла как бы часть придворного ведомства» [Дашкова 2016: 31]. Хотя подобные критические отзывы современников не могут оцениваться как непреложная истина, они указывают на кажущуюся им определенную степень структурного сходства между гвардией и двором. Как я постараюсь продемонстрировать, это сходство действительно имело место в отношении роли обоих институтов в укреплении инфраструктурной власти посредством эксплуатации статусной ментальности.

Императорский двор и инфраструктурная власть

Теория ключевой роли европейских дворов эпохи абсолютизма в модернизационном процессе прежде всего ассоциируется с именем Норберта Элиаса [Элиас 2001; 2002]. Хотя его концепция «процесса

цивилизации» — постепенной трансформации человеческого поведения в сторону большей рациональности и самоограничения — подвергалась довольно сильной критике¹⁰, исследования в этой области продолжались, в том числе на российском материале [Польской 2013].

Однако я бы хотел несколько отойти от этой интеллектуальной традиции и рассмотреть роль российского императорского двора в том же ракурсе, в котором выше рассмотрел роль гвардии, — в качестве центра подготовки кадров и управленческой структуры, дополняющей и стабилизирующей «регулярное» российское государство XVIII века.

Двор нового образца появляется в России сравнительно поздно — в самом конце петровского царствования. Доставшийся царю в наследство от отца и старшего брата старомосковский двор был нещадно урезан в два этапа — в 1697 и 1700 годах — примерно до 30 % от прежней численности [Агеева 2008: 30]. Постоянно находившемуся в движении Петру I двор первоначально был не слишком нужен, поэтому развитие сперва получили второстепенные «малые» дворы царских сестер, а также двор супруги царевича Алексея — Шарлотты [Там же: 48–51].

Однако после путешествия во Францию, в ходе которого Петр посетил множество королевских и аристократических дворцов [Мезин 2015: 141–165], царь в полной мере осознал значение пышного двора как инструмента демонстрации имперской мощи. Начинаются значительные вложения в петербургские резиденции, — соответственно, постепенно увеличивается и штат их персонала. Значительный импульс развитию двора был придан царствованием Анны Иоанновны. Численность дворцового персонала при ней доходила до 968 человек, считая «большой двор» и двор наследницы с супругом. В правление Елизаветы Петровны достигаются цифры 1390 служителей у «большого двора» и «малых» Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны совокупно. При Екатерине II, когда в 1784 году был составлен полный штат дворцового ведомства, численность служащих при «большом дворе», дворе наследника, а также обслуживающих многочисленные резиденции за пределами столицы должна была составить 2952 человека. Очень внушительное количество для своего времени [Агеева 2008: 114, 137, 167].

Организационно двор в XVIII веке не представлял собой единой структуры, подобной появившемуся в 1826 году министерству императорского двора и уделов [Потапина, Голубин 2010: 14–15]. Он был разбит на три основные части — Придворную контору, Главную дворцовую

---

¹⁰ Обзор дискуссии вокруг наследия Элиаса см. в работе [Велижев 2020].

канцелярию и Кабинет его/ее императорского величества. Хотя объем полномочий и зоны ответственности между ними постоянно изменялись, что подробно освещено в монографии О. Г. Агеевой [Агеева 2008], но очень приблизительно их можно обрисовать в следующем виде.

Придворная контора занималась непосредственным обеспечением деятельности двора в текущем местоположении правителя или правительницы — поставка припасов, выдача жалования служителям и т. д. В этом качестве она имела некоторые уникальные привилегии — например, право приоритетного выкупа фруктов, рыбы и устриц с проходящих в Санкт-Петербургский порт кораблей, что иногда шокировало иностранных купцов, пытавшихся оспорить эту монополию в правительственных органах [Новицкая 2005: 268–269].

Главная дворцовая канцелярия отвечала за «внешний контур» двора — дворцовое хозяйство. В первой половине XVIII века ее владения имелись в 109 уездах с количеством дворцовых крестьян в них примерно в 400–450 тыс. человек [Индова 1964: 41, 44]. Соответственно, она же отвечала за поставку произведенной в этом хозяйстве аграрной продукции ко двору, что в условиях крайней дороговизны всего в Санкт-Петербурге было очень большим подспорьем. Для примера: «...в 1745 году подрядчикам за припасы заплатили 131,6 тысячи рублей; подмосковные, поволжские, новгородские и прочие [дворцовые] вотчины отправили в столицу продуктов на сумму около 53 тысяч рублей» [Писаренко 2003: 506]. Овощи, фрукты и зерно выращивали вокруг Петербурга в оранжереях, садах и огородах. Черную икру везли из Мальковской области Симбирского уезда. Дворцовое хозяйство имело свои представительства даже за границей, приобретя виноградники в Венгрии [Там же: 506, 511, 532].

Самой любопытной структурой в составе дворцового ведомства был Кабинет. Появившись как личная канцелярия Петра I, Кабинет постепенно дрейфовал в сторону органа экстраординарного дворцово-хозяйственного управления, передавая канцелярские функции сперва появившимся при Екатерине II статс-секретарям, а затем Собственной Е. И. В. Канцелярии. Кабинет заведовал личными царскими финансами, складывающимися из нескольких источников.

Первоначально наиболее существенной статьей доходов была эксплуатация соляной регалии. Монопольная продажа соли за период 1741–1750 годов приносила правителю от 840 тыс. до 1 млн 223 тыс. рублей в год. В 1750 году эту сумму строго фиксируют в размере 1 млн рублей — «комнатного миллиона». Именно Кабинет эксплуатировал единственные в стране источники монетарного золота и серебра — сперва

приняв в свое ведомство Колывано-Воскресенские заводы на Алтае во второй половине 1740-х годов, а затем и Нерчинские заводы в Забайкалье в 1787 году. При этом не будучи специализированным горным ведомством (таким как Берг-коллегия), Кабинет тем не менее умудрялся получать сопоставимые с ним доходы — около миллиона «царских» денег в год у Кабинета и от миллиона до двух (с сильными колебаниями между годами) у казны в 1780-х годах. Историк кабинетского хозяйства М. В. Кричевцев объясняет это тем, что Кабинет, будучи преимущественно финансовым ведомством, был не склонен гиперрегулировать происходящее непосредственно на горных заводах, в то время как Берг-коллегия «заваливала» своих подчиненных регламентами и инструкциями. Были и некоторые другие более мелкие кабинетские доходы: жалованье царя или царицы как полковника гвардейских полков, перечисляемое в Кабинет из государственной казны; доходы от отдельных таможенных сборов; пушнина (после упразднения Сибирского приказа в 1763 году); подарки от иностранных дворов и частных лиц и т. д. Иногда Кабинет вторгался в зону ответственности других дворцовых ведомств и регулировал поставки продуктов к царскому столу из отдельных регионов — Украины, Оренбургской, Архангелогородской и Астраханской губерний [Кричевцев 2007: 116–120, 155–157, 160–165; Жеравина 2005: 263–317].

Важно подчеркнуть, что имущество и доходы дворцового хозяйства не являлись государственными, а считались частной собственностью царя (насколько для этой эпохи можно использовать такое понятие). Это видно из ряда случаев займов «царских денег» для общегосударственных нужд с требованием обязательного возвращения:

Бывало, ради решения государственных дел Анна Иоанновна жертвовала собственной выгодой. Когда летом 1735 года оказалось, что сдавшийся после долгой осады Данциг (Гданьск) не в состоянии выплатить в назначенный срок положенную контрибуцию, а российские войска в Польше «терпят нужду», императрица не согласилась посылать обоз с деньгами из Москвы или переводить их «на вексель» по невыгодному курсу — «очинь будет убыточно», а приказала заплатить войскам «из собранных с наших курляндских маэтностей (то есть имений. — *М. Д.*) собственных доходов пятьдесят тысяч талеров» (курсив мой. — *М. Д.*) [Курукин 2014а: 169].

Иные царицы были не столь щедры. К концу Семилетней войны, когда армия испытывала большую нужду в деньгах, в Кабинете Елизаветы Петровны скопился примерно годовой «бюджет» страны [Анисимов 2000: 273–275].

То, что современники отличали «царские» деньги от государственных, видно и по материалам судебных разбирательств. Так, после смерти Анны Иоанновны Бирону попробовали «пришить» нецелевую растрату денег. На что экс-фаворит, как обладатель только придворного чина, всю свою карьеру прослуживший по дворцовой линии, отвечал, что «казенного ни в чем не касался», а то, что покойная императрица жаловала его деньгами и алмазами из ее собственных средств, никого волновать не должно. Следователи доказать обратное не смогли, и курляндец хоть и отправился в ссылку, но с другими формулировками в приговоре [Курукин 2014b: 167, 175, 355].

На что шли эти деньги, помимо, разумеется, «престижного потребления» и подарков царским фаворитам? Двор как управленческая структура, по сути, заполнил те ниши, которые государственные органы, сосредоточенные на вопросах обороны, суда и местного управления, охватить еще не могли. В первую очередь это касалось вопросов культуры и образования. Как свидетельствуют данные Л. М. Стариковой, собравшей всю возможную информацию о театральной жизни в России при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, театр финансировался из дворцовых средств, в основном из «соляной суммы» [Старикова 1995; 2022]. Кабинет финансировал образовательные инициативы: в виде поездок русских студентов за границу, выплат Академии русской словесности, Смольному институту, Комиссии для заведения народных училищ, стипендий отдельным перспективным художникам и архитекторам и т. д. [Кричевцев 2007: 221–231].

Двор имел и собственные учебные заведения разного уровня. Копьюшенские школы (главным образом сосредоточенные в окрестностях Москвы, самая известная — Хорошевская) готовили персонал для нужд самого придворного ведомства, став первыми специализированными ветеринарными учебными заведениями в России. Ученики туда набирались из дворцовых крестьян и поповичей [Волков 1959: 161–172]. Для дворянских детей существовал институт пажей, появившийся при Петре I. В царствование Елизаветы Петровны появилась Пажеская школа, позднее преобразованная в Пажеский корпус. Как несколько панегирически, но в целом ухватив тенденцию, утверждало издание эпохи Александра II:

Пажи будучи жалованы сначала из фамилий хотя и дворянских, но по большей части небогатых и незнатных, а потом из семейств и не русских, своими заслугами возвысили свои фамилии наряду с самыми древне-знатнейшими родами и тем придали новую жизненную силу русскому дворянству <...> Прожив приблизительно десять лет при

Высочайшем дворе, пажи усваивали себе все идеи, все стремления, господствовавшие в их время в кругу высшего и образованнейшего общества, и по выходе на службу вносили в среду, их окружавшую, эти просветительные идеи и передовые стремления [Материалы для истории пажеского Е. И. В. Корпуса... 1876: 5–6].

Таким образом, если гвардия являлась универсальным поставщиком персонала для органов экстраординарного управления, то двор сам по себе и был таким органом, контролируя чрезвычайно разнообразные и слабо связанные между собой сферы: от сельского хозяйства до горной промышленности; от закупок картин для придворных галерей до образования крестьянских детей. Служивший при дворе персонал — от рядовых служителей, до обладателей самых верхних чинов — был довольно выделяющимся по меркам эпохи. Так, двор был тотально грамотным институтом [Агеева 2008: 341]. Разумеется, в случае низших служителей речь идет, скорее, о функциональной грамотности — умения прочесть недлинный текст и расписаться за себя, — но для своего времени и российских условий и это было весьма неординарным достижением. Для высшего же слоя придворных сами условия их службы означали необходимость приобретения универсальных управленческих навыков, которые позднее могли быть использованы и в других областях.

Как и гвардия, двор становится местом концентрации кадровых резервов для верхних этажей управления империй. Имевшие непосредственный доступ к императрицам представители аристократических фамилий охотно служили сами и отдавали своих детей в придворную службу. «В послепетровскую эпоху придворный круг становится трамплином для будущей политической и военной карьеры: Б. Г. Юсупов, П. С. Салтыков, Н. Ю. Трубецкой, М. Н. Волконский, М. Скавронский, П. Г. Чернышев, А. Д. Татищев при Анне Иоанновне, З. Г. Чернышев, братья Шуваловы, Н. И. Панин при Елизавете — все эти будущие министры, генералы и вельможи начинали службу в качестве камер-юнкеров и камергеров» [Курукин 2014: 195]. Этот процесс притока кадров стимулировался постоянными и очень быстрыми трансформациями в придворной части «Табели о рангах». Измеримый «Табелью» престиж придворной службы постоянно рос: «В екатерининское время общая численность придворных чинов относительно 1722 г. увеличилась почти в два раза. В конце XVIII в. при императорском дворе не было ни одного оставшегося без изменения (повышение класса) придворного чина в рангах, который существовал в документе, утвержденном Петром Великим. При этом из 42 чинов 1722 г. только 14, сменив ранг, сохранили

свои петровские наименования. Остальные несколько десятков чинов в рангах были новыми» [Агеева 2008: 196].

При этом придворная служба, точно так же как гвардейская, весьма чувствительно была по кошельку аристократов. Хотя, в отличие от гвардии, практики службы при дворе за свой счет не существовало, но сказывалось местоположение двора в весьма не дешевом для жизни Санкт-Петербурге. Этот вопрос слабо исследовался, но можно привести отдельный пример. Так, Христиан Вильгельм Миних (брат знаменитого фельдмаршала, обер-гофмейстер двора и руководитель главной дворцовой канцелярии) к 1738 году так поиздержался (несмотря на жалование в 6000 рублей в год), что был вынужден отправить супругу с детьми в Любек, где цены были значительно ниже. Кроме того, в целях экономии он отправил своих содержавшихся для публичных выездов лошадей в принадлежавшие ему лифляндские деревни на вольный выпас, вызывая их в Петербург только при необходимости [Писаренко 2003: 45, 163].

Таким образом, для аристократии придворная служба представляла собой точно такой же механизм конвертации денег в ускоренное приобретение социального престижа, как и гвардия. Схожий с гвардейским механизм чиновпроизводства работал и для самых низших членов дворцовой иерархии. «Перспективы у лакеев, скороходов, мундшенковских, кофешенковских и тафельдекарских помощников было две. Либо через камер-лакейскую должность выйти в камердинеры, мундшенки, кофешенки и тафельдекари, либо перевестись в армию прапорщиком, а то и поручиком» [Там же: 55–56].

Заключение

Однозначный приоритет статусной иерархии над денежной, характерный для эпохи «старого порядка», был многогранным явлением. С одной стороны, эта статусная ментальность выступала препятствием для возрастания инфраструктурной власти российского государства. С другой — она же выступала механизмом концентрации человеческих ресурсов в условиях жесткой ограниченности финансов. Ведь если нечто является для людей ценностью, то этим можно манипулировать в своих целях.

Российская монархия импровизационным способом нашла путь как поставить статусные предрассудки себе на службу. Императорская гвардия, первоначально бывшая не более чем элитными армейскими частями, постепенно, шаг за шагом, начала встраиваться и в механизмы

общегосударственного управления. Престиж гвардейской службы по сравнению с обычной армейской или тем более гражданской привлекал многих дворян, готовых нести немалые расходы взамен на ускоренное получение столь желанного чина. То, что при этом гвардейцы все больше и больше служили государю (чаще — государыне) не столько шпагой, сколько пером, хотя временами и вызывало некую рефлексию, но особого значения в глазах большей части общества, похоже, не имело.

Структурную схожесть с гвардией в этом отношении демонстрирует императорский двор. Неотъемлемая часть монархического «образа правления», по самой своей сути являющегося статусным институтом, предназначенным демонстрировать друзьям и врагам престиж империи, двор в российском контексте стал экстраординарным органом управления. Регулируя инициативы в тех сферах, которые государство взять на себя еще было не в состоянии, двор стал одним из двигателей российского модернизационного процесса в постпетровский период.

Как я постарался продемонстрировать, и гвардия, и двор в рассмотренный мной период выступают в двух качествах. Во-первых, в качестве механизмов конвертации денежного капитала в социальный, о чем речь шла выше. Во-вторых, как институтов, трансформирующих человеческое поведение.

Российские социальные условия начала XVIII века, казалось бы, не слишком благоприятствовали укоренению идеи о ценности образования и социальной важности «бумажной работы». Церковь как традиционный проводник учености была социально изолирована, практически никак не сообщаясь (в плане циркуляции человеческих ресурсов) с верхними слоями русского общества, что было совершенно нехарактерно для Европы того времени. Тонкий слой «приказных» тоже не демонстрировал никакого потенциала стать русским аналогом французского «дворянства мантии».

Поэтому встраивание образовательных цензов (пусть и не слишком строгих и, по условиям эпохи, сильно подверженных коррупционным методам их обхода) в механизм дворянской гонки за чинами имело исключительное значение. Если до Петра и при Петре, действительно, «в гражданстве искусного шляхетства за отлучением в воинство недоставало», то при «женском правлении» эта асимметрия начинает выправляться. Причем не столько путем насилия и принуждения, характерных для царствования первого русского императора, сколько путем организации нескольких путей институционализированного обмена дворянского стремления к получению престижа на государственный запрос в опытных кадрах.

Будучи не в состоянии поддерживать введенную Петром разветвленную и специализированную систему, российское государство будет вынуждено частично вернуться к методам универсализованного управления, характерным для московской приказной традиции. Но только отвечать за работу административного аппарата станет уже другая социальная группа. Являлись ли как приказные административные структуры, так и сами «приказные» лучшими проводниками государственной политики, чем пришедшие к ним на смену комиссии, коллегии, департаменты Сената и наполнившее их «шляхетство», — вопрос дискуссионный. Так или иначе, именно учившимся «понемногу чему-нибудь и как-нибудь» русским дворянам «долгого XVIII века» предстояло проложить дорогу профессиональным бюрократам, судьям и интеллектуалам последующей эпохи. Поэтому внимание к таким специфически статусно-центрированным институтам, как гвардия и двор, а также методам социальной политики, направленным на манипуляцию статусными представлениями, является существенным условием для рассмотрения модернизационных процессов в российской истории.

Литература

Исторические источники

Дашкова Е. Р. Записки княгини Дашковой. М.: Захаров, 2016.

Екатерина II — Г. А. Потемкину. 18.12.1786 г. // Екатерина II и Г. А. Потемкин. 1769–1791 / сост. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997. С. 772–773.

Екатерина II — Г. А. Потемкину. 19.11.1786 г. // Записки Михаила Гарновского & Екатерина и Потемкин. Подлинная их переписка. 1786–1790 / под ред. Т. А. Лобашковой. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2017. С. 313–314.

Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству (18 февраля 1762) // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография 2 отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 15. С. 912–915.

Материалы для истории пажеского Его Императорского Величества Корпуса. 1711–1875. Киев: Типография М. П. Фрица, 1876.

Татищев В. Н. Духовная моему сыну. СПб.: Типография Глазунова, 1896.

Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие для высшей школы. М.: Изд-во Московского университета, 1961.

Исследовательская литература

- Агеева О. Г.* Императорский двор России, 1700–1796. М.: Наука, 2008.
- Ананьева А.* «Долгий XVIII век»: характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории // Изобретение века: Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 319–328.
- Андрийainen С. В.* Российская императорская гвардия в конце XVII — первой половине XIX в.: Основные вехи истории. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020.
- Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л.: Наука, 1982.
- Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2000.
- Баберовски Й.* Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 71–95.
- Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М.: РОССПЭН, 2003.
- Бабич М. В.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / сост. Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М.: РОССПЭН, 2013. С. 81–102.
- Белов А. В.* Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019.
- Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М.: Университетская типография, 1902.
- Болтунова Е. М.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М.: РГГУ, 2011.
- Велижев М.* «Цивилизация» Норберта Элиаса: за и против // Укрощение повседневности: нормы и практики Нового времени / сост. М. Неклюдова. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 12–33.
- Величенко С.* Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 83–116.
- Волков С. И.* Крестьяне дворцовых владений Подмоскovie в середине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в сравнительной перспективе. М.: Дело, 2015.

Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987.

Демкин А. Лейб-компания императрицы Елизаветы Петровны. М.: Ломоносов, 2016.

Демьяненко М. А. Романовы входят в Европу: внешняя политика и статусно-ориентированное поведение в эпоху Петра Великого. Препринт М-97/23. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.

Жеравина А. Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск: Изд-во Томского университета, 2005.

Жуковская А. В. Служить бы рад, работать тошно: к истории бюрократии Московского государства и ранней Российской империи (из «картотеки мотивов») // А. М. П. М.: РГГУ, 2013. С. 94–108.

Жуковская А. В., Акельев Е. В. Из казаков во дворяне: Шагаровы, микроистория социальной мобильности в России, XVII–XVIII в. // Cahiers du Monde Russe. 2016. Vol. 57 (2–3). С. 457–504.

Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX века: по материалам вотчинного архива Воронцовых. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

Индова Е. А. Дворцовое хозяйство в России: первая половина XVIII в. М.: Наука, 1964.

Коллманн Н. Ш. Соединенные чеством: государство и общество в России раннего Нового времени. М.: Древлехранилище, 2001.

Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Кричевцев М. В. Императорский кабинет: ведомство личной канцелярии российского монарха, 1741–1801. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2007.

Курукин И. В. Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012.

Курукин И. В. Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2014а.

Курукин И. В. Бирон. М.: Молодая гвардия, 2014б.

Курукин И. В. Екатерина I. М.: Молодая гвардия, 2016.

Лисейцев Д. В. «Московская волокита». О темпах работы российских приказов начала XVII века // Роль государства в историческом развитии России: материалы международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 17–18 мая 2010 г. Budapest: Russica Pannonicana, 2011. С. 121–132.

Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

Манн М. Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты // Неприкосновенный запас. 2018. № 2. С. 3–33.

- Мезин С. А.* Петр I во Франции. СПб.: Европейский дом, 2015.
- Новицкая Т. Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М.: Зерцало-М, 2005.
- Новохатко О. В.* Разряд в 185 году. М.: Памятники исторической мысли, 2007.
- Норт Д.* Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
- Петрухинцев Н. Н.* Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / сост. Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М.: РОССПЭН, 2013. С. 256–283.
- Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007.
- Покровский М. Н.* Бюрократия // Большая советская энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1927. С. 468–480.
- Покровский Н. Н.* Путешествие за редкими книгами. М.: Книга, 1984.
- Польской С. В.* Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / сост. Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М.: РОССПЭН, 2013. С. 320–367.
- Потапина М. В., Голубин Р. В.* Структура и деятельность Московской дворцовой канторы. Из истории Министерства императорского двора, 1826–1918 гг. Нижний Новгород; Арзамас: АГПИ, 2010.
- Редин Д. А.* Реформы местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 3. С. 190–216.
- Серов Д. В.* В каком возрасте начинали службу подьячие в конце XVII — начале XVIII в.? // Серов Д. В. Люди и учреждения Петровской эпохи: сборник статей, приуроченный к 350-летию юбилею со дня рождения Петра I / сост. Е. В. Анисимов, Е. В. Акельев. М.: Новое литературное обозрение, 2022a. С. 103–113.
- Серов Д. В.* «Взятков не имал, а давали в почесть...»: Взятничество в России от царя Алексея Михайловича до царя Петра Алексеевича // Серов Д. В. Люди и учреждения Петровской эпохи: сборник статей, приуроченный к 350-летию юбилею со дня рождения Петра I / сост. Е. В. Анисимов, Е. В. Акельев. М.: Новое литературное обозрение, 2022b. С. 211–226.
- Серов Д. О., Федоров А. В.* Следователи Петра Великого. М.: Молодая гвардия, 2018.

Смирнов Ю. Н. Русская гвардия в XVIII веке: учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1989.

Старикова Л. М. Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника. 1730–1740. М.: Радикс, 1995.

Старикова Л. М. Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Документальная хроника, 1751–1761. М.: Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022.

Травин Д. Я. Русская ловушка. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.

Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999.

Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Хок С. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М.: Прогресс-Академия, 1993.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Эскин Ю. М. Очерки по истории местничества в России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2018.

Clark J. C. D. English Society, 1660–1832: Religion, Ideology and Politics during the Ancien Regime. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Davies B. The Politics of Give and Take: *Kormlenie* as Service Remuneration and Generalized Exchange, 1488–1726 // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание / ред. А. М. Клеймола, Г. Д. Ленхофф. М.: ИЦ-Гарант, 1997. С. 39–67.

LeDonne J. Catherine's Governors and Governors General, 1763–1796 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1979. Vol. 20 (1). P. 15–42.

LeDonne J. Interview with John P. LeDonne // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Vol. 14 (4). P. 701–714.

Werth P. W. 1837: Russia's Quiet Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Михаил Алексеевич Демьяненко

**Статусно-ориентированное поведение и рост инфраструктурной
власти в империи Романовых «долгого XVIII века»**

Препринт М-105/24

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 17.05.2024.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.